

Чего не досказал театр

А. Н. ОСТРОВСКИЙ НА СЦЕНЕ СВЕРДЛОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Великий русский драматург А. Н. Островский в своем творчестве с необычайной выразительностью обрисовал деспотическую силу «темного царства», где властвовали лицемерие, хищничество, монополичество, где безраздельно господствовали деньги. С блестящим мастерством Островский показал несправедливость, трагичность существования «маленького человека» в русском обществе прошлого века. Лучшие пьесы драматурга, в которых страстный протест против лжи и пошлости, против всей глупости того времени звучит особенно сильно, по праву вошли в золотой фонд репертуара наших театров.

Свердловский драматический театр за последнее время поставил два спектакля А. Н. Островского — «Последнюю жертву» и «Позднюю любовь».

По прежде, чем говорить о них, необходимо напомнить об одной из славных традиций, которая сложилась в советском театре. Мы имеем в виду критическое осмысливание театром огромного по масштабам и своему значению драматического наследия А. Н. Островского.

На 40-летнем юбилее МХАТа В. И. Чемиревич-Даниченко говорил, что в довоенное время «в классическом репертуаре нам нехватало необходимого мужества для создания больших социальных образов. Мы не имели необходимой идеологической и политической смелости для выявления больших и мукистенных идей классических драматургов».

Наш современный театр пошел по новому пути.

Не оставляет сомнения, что лучшие спектакли Островского на нашей сцене — это те, которые насыщены глубоким социальным содержанием. Отчетливое понимание социальной несправедли-

вости, порыв к новым, подлинно человеческим общественным отношениям — вот что характеризует эти спектакли Островского, идущие в советских театрах.

В свете этого положения и интересно проанализировать спектакли Свердловского драматического театра «Последняя жертва» и «Поздняя любовь».

Ни первым, ни вторым спектаклем театр, на наш взгляд, не сумел достаточно отчетливо выразить главного, того, что мы чувствуем, посмотрев «Бесприданницу» в Московском малом театре или «Грозу» в МХАТе — отвращение к той действительности, где действует девиз «человек человеку — волк», где властуют деньги. Ни «Поздняя любовь», ни «Последняя жертва»

глубоко не волнуют зрителя именно потому, что театр не сумел убедительно обличить хищническую психологию имущих классов, тонко раскрыть психологию дельцов, ярко показать русский быт и права второй половины XIX века.

А. Н. Островский видел, как затухла русская действительность губит, душит честного благородного человека, который не богат, не знатен, но который хочет своим трудом принести пользу обществу, хочет жить свободно, без пугающей опаски, без постоянного страха за свою судьбу.

Поэтому в его лучших произведениях мы неизменно слышим благородный голос протesta, гневный голос обличения «темного царства», столь характерный для драматурга, стоящего на позициях критического реализма, драматурга — демократа и просветителя.

Но Островский был великим реалистом. Как реалист, он не мог идеализировать купеческий класс. Он раскрывал деляческое нутро людей, которые

ради пополнения денежного мешка не брезгуют никакими средствами.

В исполнении советских актеров, обладающих самым передовым, самым прогрессивным мировоззрением, эта социально-тинистическая линия должна прозвучать достаточно четко.

В пьесе «Последняя жертва» Островский рельефно показал никчемность советского «хлыща» Вадима Григорьевича Дульчина, охотника за купеческими миллионами. Ему, противостоят богатый купец Флор Федулич Прибытов.

Центральный конфликт комедии построен на любви богатой вдовы Юлии Павловны Тугиной к Дульчину, который проматывает ее состояние. В их отношения вмешивается Прибытов.

Сочувствие драматурга не на стороне бездельника, «летуна» Дульчина, а на стороне «делового купца» Прибытова, который не гнушается сам заниматься делами, чтобы пополнить кубышку с золотом. Островский падал на рядом хороших человеческих качеств. Он по-своему честен. Из жалости к своим беспутным племянникам он вытаскивает их из долговой ямы, дает приданое бедной племяннице.

Прибытова искренне трогает большая, самоотверженная любовь Юлии к Дульчину. Стадного купца так удивляет и радует ее глубокое, сильное чувство, что он и сам влюбляется в Юлию.

Но эта человечность Флора Федулича вовсе не дает повода идеализировать его.

Комедия Островского дает богатейший материал для полного раскрытия хищнической психологии купца Прибытова.

За каждым его словом чувствуется крупный делец, «владелец мира», сына которого — в деньгах. Даже чувство любви к Юлии не может преобразить его. Он знает, что Юлия его не любит,

что жизнь с ним будет ей ненавистна. Но у него даже не возникает мысли помочь ей искренне, может быть в ущерб своим интересам.

Прибытов пользуется беспомощностью Юлии. Тугина предстает перед нацией беззащитной жертвой. Торжеством купца Прибытова, ярким свидетельством его хищнической силы заканчивается комедия.

И Юлия Павловна Тугина — вовсе не идеал русской женщины. Драматург падел на цельной искренней натурой, способной на подлинно глубокую любовь. Но Юлия Павловна — верная дочь своего класса. Разумом она всегда на стороне купца, который в первую очередь заботится о своем капитале. Такое отношение к деньгам Юлия считает единственно правильным. Мечтая о совместной жизни с Дульчиным, она высказывает свои сокровенные мысли: «Да, да, первое дело себя обеспечить. Он ведь ни одной конейки у меня так не взял, на все документы выдал. А разве не все равно, что документы, что деньги? Значит, все мои деньги при мне. Разумеется, с другого нечего взять, а у него имение большое».

Как же могло случиться, что театр не заметил, какие огромные возможности дает театральной материала пьесы для решения спектакля в остро социальном плане, не нарушая, однако, человечности и психологической правды образов? Причины этого, нам думается, заключаются в общем режиссерском разрешении спектакля.

Режиссер-постановщик, он же исполнитель роли купца Прибытова, заслуженный артист АзССР Е. Агуров увлекся интересной ситуацией пьесы. Он сумел добиться тонкого психологического раскрытия актерами любовных чувств персонажей и создал слаженный остроумный спектакль.

Едва поднимается занавес, мы начинаем смеяться. Так ловко Глафира Фирсовна, тетушка Юлии (артистка Н. Петрова), выведывает у ключницы Михевтины, выведенной в Прибытове силь-

ной вдовы Дульчине. И. Шетина удачно создает тип «свахи-пройдохи», которая сует своей любопытной нос в каждую щель. С исподряжаемым юмором спорят с Михевтиной приятель Дульчина Лука Герасимович Дергачев (артист А. Березкин), вытряхивает рубли у Дульчина. Удачно играет Дергачева и второй исполнитель роли — артист А. Едугин.

«Пожалуй, Петцы, переодеть в

«культурные» костюмы, положение ни-

чуть не изменится.

Островский нарисовал обукультуренно-го русского купца, который побирается иностранных словечек и не всегда к месту употребляет их. Е. Агуров же показывает нам какого-то «благородного» джентльмена.

Тугина — русская купчиха. Е. Дальская же изображает идеальную женщину вообще. А Лавр Миронович Прибытов (артист А. Ильин), разбитый разносчик вестей (артист В. Ларин), клубные лакеи (артисты П. Белоусов и И. Трофимов).

Артисткой большой трагической силы показала себя Е. Дальская, исполнившая роль Юлии Павловны Тугиной. Ее переживания артистка передает перед всем загорячим. Театр же не донес до зрителя прекрасного, едкого юмора драматурга.

Недостатки, свойственные спектаклю «Последняя жертва», театру частично удалось преодолеть в постановке другой пьесы Островского «Поздняя любовь».

Эта пьеса не дает такого богатого материала, как «Последняя жертва», для широкого показа эпохи, для острых социальных обличий. В лучших своих произведениях — «Проза», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Лес» и других — Островский за-мечательно рассказал о том бывшем, тяжелом положении, в котором поставлен в капиталистическом об-ществе каждый благородный и честный человек. Этот лейтмотив звучит и в «Поздней любви». Безупречно честный адвокат Маргаритов и его дочь Людмила

бездействуют потому, что капризная фортuna отвернулась от них. Не находит достойного применения своим знаниям и способностям и второй герой пьесы Николай Шаблов, успешно закончивший юридический факультет университета. В ожидании крупных дел он проводит свой досуг в кабаках и ресторанах.

Социальное звучание спектакля при-нижено и тем, что театр не сумел пе-редать бытового колорита эпохи. Ведь если всех исполнителей, за исключе-

нием, пожалуй,

Петцы,

переодеть в

«культурные»

костюмы, положение ни-

чуть не изменится.

Но благополучный конец пьесы явно

приижает ее тему. Небольшой суммы

денег, подаренной Маргаритову богатым

купцом, оказалось достаточно, чтобы

счастливить и его самого, и дочь, и

Николая.

Театр мог бы создать более интересный, чем получилось, насыщенный глубокими мыслями спектакль. Об этом говорит исполнение роли Николая Шаблова артистом Б. Молчановым. Он сумел

тонко и убедительно раскрыть характер героя, четко донести до зрителя его не-удовлетворенность и своей жизнью, и окружающей действительностью.

Тугина — русская купчиха. Е. Дальская же изображает идеальную женщину вообще. А Лавр Миронович Прибытов (артист А. Ильин), разбитый разносчик вестей (артист В. Ларин), клубные лакеи (артисты П. Белоусов и И. Трофимов).

Артисткой большой трагической силы показала себя Е. Дальская, исполнившая роль Юлии Павловны Тугиной. Ее переживания артистка передает перед всем загорячим. Театр же не донес до зрителя прекрасного, едкого юмора драматурга.

Но социальное звучание спектакля обединяется слабой игрой артистки З. Светловой, исполняющей роль купчихи Лебедевой, и артиста В. Кичигина, исполняющего роль богатого купца Дороднова. Эти персонажи представляют в пьесе тот мир, где нет места истинной любви и дружбе, где все построено на расчете, на обмане. Однако артист В. Кичигин вместо сильного хищника показывает зрителю туповатого, но добродушного купчика, артистка З. Светлова исполняет свою роль слишком поверхности, а потому мало убедительно.

Спектакль «Поздняя любовь», несмотря на серьезные недостатки, все же более, чем «Последняя жертва», свидетельствует о том, что театр приблизился к правильному пути в разработке богатейшего драматургического наследия А. Н. Островского. Хочется пожелать театру укрепиться на этом пути.

Советский театр должен новаторски подходить к осмыслению классического литературного наследия, оценчивать его с марксистско-ленинских позиций.

В. КОЗЛОВА.